

УДК 800

DOI 10.52452/19931778_2024_6_264

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РАЗВИТИИ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

© 2024 г.

М.С. Милованова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

MSMilovanova@pushkin.institute

Поступила в редакцию 21.11.2024

Рассматривается процесс перехода существительного в класс категории состояния на материале формы отглагольного существительного *в отношениях*. Цель исследования – проанализировать этапы лексико-семантических грамматических изменений. Подобные языковые факты располагаются в зоне синкретизма (АБ) на шкале переходности В.В. Бабайцевой: периферия имени существительного (А), пересекающаяся с периферией категории состояния (Б). Процесс грамматической трансформации адвербатов на этап больше, чем у типичных (конкретных) существительных. Как ведущий метод исследования используется метод структурно-семантического анализа В.В. Бабайцевой, предполагающий изучение условий, причин, результатов грамматической трансформации. Микродиахронный анализ позволяет проследить развитие языкового факта от момента появления до текущего состояния (тенденция к развитию или угасанию по данным НКРЯ) – в рамках незначительного промежутка: 25–15–10–5 лет.

Ключевые слова: мысль о состоянии, категория состояния, предикативно-падежные формы существительных, отглагольные существительные, личная конструкция, грамматическая трансформация, микродиахрония, «непереходность».

Введение

В сознании русского человека оформлялось постепенно, на протяжении значительного периода и остается важным в настоящий момент *мысль о состоянии*.

Грамматическая мысль, начиная с работ А.Х. Востокова, Н.И. Греча, И.И. Давыдова, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Д.Н. Овсянико-Куликовского, А.А. Шахматова, следовала за фактом развития нестандартных языковых элементов в выражении формирующегося смысла и нашла итоговое (на момент 20-х гг. XX века) обоснование в статье Л.В. Щербы, который включил в эту категорию – *категорию состояния* (с точки зрения общих признаков неизменяемости и употребления со связкой) такие группы слов, как: 1) *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и др.; 2) *холодно, светло, весело* и т.п.; 3) *быть навеселе, наготове, настороже, замужем, в состоянии, начеку, без памяти, без чувств, в сюртуке* и т.п. [1]. (Отмеченные нами единицы из последней группы представляют интерес для настоящего исследования.) При этом Л.В. Щерба отметил главный семантический признак, общий для всех перечисленных слов, – *состояние*: «Слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненным для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях» [1] (дважды выделено мной. – М.М.).

В следующие годы изучение новой части речи было связано с первыми двумя группами, выделенными Л.В. Щербой и ограниченными представлением о безличности¹: «...Во-первых, отмечаем эволюционный процесс перехода кратких прилагательных среднего рода (*весело, грустно* и под.) и существительных (*пора, жаль* и др.) в категорию имен состояния в функции сказуемого безличного предложения и, во-вторых, наблюдаем образование окказиональных (и не только!) безлично-предикативных слов в условиях синтаксической модели безличных предложений» [3, с. 21] (выделено мной. – М.М.). Между тем как сам Щерба не ограничивал функционирование слов категории состояния безличным употреблением. Н.С. Пospelов как специфический признак части речи отмечал не просто сказуемость (предикативность) и связанный с ней признак личности/безличности, а факт «специфических для них аналитических форм выражения грамматических категорий времени и наклонения, причем связка или ее значимое отсутствие является необходимым компонентом такой аналитической формы» [4, с. 56] (выделено Н.С. Пospelовым). Такой подход не ограничивает категорию состояния как часть речи способом выражения семантического признака предложения.

Далее пойдет речь именно о личном употреблении и синтаксической функции, которая становится благоприятным условием для разви-

тия категории состояния – предикативной функции в условиях двусоставного предложения: «В морфологии синтаксическая функция является основным условием для перехода слов и групп слов из одного структурно-семантического класса или разряда в другой» [5, с. 187]. Функция активизирует известную² модель ‘S + связка + предикативно-падежная форма’. Стимулом для развития категории состояния в настоящий момент становится факт актуализации позиции субъекта, что и находит отражение в продуктивной синтаксической конструкции ‘S + связка *быть* + предикативно-падежная форма’, где S не просто подлежащее, имеющее значение ‘предмет мысли/речи’, но в роли подлежащего выступает слово со значением ‘лицо/человек’ (указание на лицо = человека) [7, с. 156–157]: *Я в растерянности*: поначалу хотел предъявить расписку, требовать возмещения долга либо переоформления квартиры [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019]; *Наш маленький город в готовности и в тревоге, но совершенно не в панике* («Когда дома беда – из дома не уезжают» // <https://26.ru>. 10.09.2023).

По-видимому, сама модель – это удобная «упаковка» для фиксации новых мыслей о новых вариантах состояния, в выражении которых нуждается современный носитель русского языка. Думается, что с развитием предикативности форм отдельных существительных связан *новый путь* развития категории состояния, или *имени состояния*, как предпочитала называть этот грамматический класс слов В.В. Бабайцева.

Условия и предпосылки трансформационных процессов – лексических и грамматических

В.В. Виноградов, выдвигая тезис единства слова при многообразии его форм, определяет проблему, связанную с этим фактом, – проблема границы слова: «Единство слова организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех его форм. [...] Слово – структура сложная. Смысловое единство слова сочетается с реальным или потенциальным многообразием его форм» [5, с. 36, 39]. В случае с именем существительным проблема возникает при эмансипации одной из форм: оторвавшись от парадигмальной системы, она начинает собственное развитие в новых синтаксических условиях, что приводит к лексико-семантическому переустройству экс-словоформы и изменению грамматического статуса, то есть возникновению функционального омони-

ма. Процедуру изменения грамматического значения и сближения существительного с классом слов категории состояния проиллюстрируем на примере отглагольного существительного *отношение* – *отношения* в одной из его форм, получившего новую семантическую интерпретацию в предикативном употреблении: *Я в отношениях*.

Благоприятной для начала подобных трансформаций формой становится форма предложного падежа – *в отношениях*, аккумулирующая значение 1) собственно слова как лексемы, 2) значение падежной формы³, наконец – 3) предлога, уточняющего падежное значение. В новых синтаксических условиях все три значения сложным образом переплетаются, образуя некоторое семантическое единство (сплав) – комбинацию смыслов. Функция приводит в движение этот сложный семантический комплекс.

Если говорить о предпосылках, то, как пишет В.В. Бабайцева, они «кроются прежде всего в значении слов – лексическом и грамматическом» [1, с. 189]. В.В. Бабайцева также отмечает, что конкретность лексического значения препятствует переходу слова из одной части речи в другую [1, с. 191]. Вместе с тем существительные легко преодолевают это препятствие благодаря метафоризации значения – этап, предшествующий грамматической трансформации (ср. словоформы *на игле/в слезах/в шоколаде/в потоке / на волне* и др. в предикативной функции). Значение предметности через этап метафоризации может быть трансформировано в оценочное значение (= хорошо / плохо), в значение состояния или состояния-оценки [9].

«Чаще всего изменения в системах форм слов зависят от общих изменений семантического строя, порождаемых взаимодействием грамматических и лексических факторов» [5, с. 39]. В данном случае массовая миграция словоформ существительного и сближение со словами категории состояния обусловлены общей грамматической ситуацией: рост предикативности имени существительного. В частности, тенденция выражается в увеличении количества и разнообразии видов неглагольных предложений, среди которых самым частотным вариантом становится бисубстантивное предложение, причем для выражения мысли о состоянии в такой структуре используются разные формы существительного, основной из которых является форма предложного падежа [10; 11, с.137, 139].

Актуальными (в условиях микродиахронии) могут быть слова с самыми разными значениями – экс-словоформы имени существительного [12; 10; 13–19 и др.], вместе с тем можно отме-

тить устойчивость самого явления: предложно-падежная форма существительного в предикативной функции стабильно используется для выражения мысли о состоянии / состоянии-оценке. Функция становится условием для выражения новой мысли и активизации структуры, и речь может идти о грамматическом процессе – предикативации имени существительного.

В отношениях: этапы трансформации

В 2007 году М. Эпштейн писал о «тенденции к расширению функций переходности в современном русском языке» как вопросе не только грамматическом, но и когнитивном, мыслительном, отражающем общественное мирозерцание [20]. Однако можно говорить о существующей противоположной тенденции, опосредованно связанной с глагольной системой. Речь идет о небольшой группе отглагольных существительных, чья предложно-падежная форма оказалась транспонирована в категорию состояния: *(Я) в восхищении, в поиске, в нетерпении, в волнении, в ожидании, в переживаниях, в отношениях, в предвкушении, в охреневании* (разг., эмоц.), *на нервах* и других, поскольку круг существительных, в том числе и отглагольных, потенциально способных к транспозиции, постоянно расширяется. При этом часть исходных глаголов действительно являются переходными, другая часть предполагает обязательную валентность на распространитель с объектным значением.

«Непереходность», по мысли Эпштейна, связана не с действием, а с особым состоянием, является «признаковым действием, которое ничего не меняет, ни на что не переходит, а только **характеризует своего носителя**» [20] (выделено мной. – М.М.). Расширим содержание понятия «непереходность» и распространим этот тезис М. Эпштейна на все случаи безобъектного употребления глагола или производного от него существительного, а именно – случаи утраты общей способности, характеризующей прежде всего глагол, иметь *валентность на объект*. Предикативно-падежные формы отглагольных существительных могут не иметь валентности на объект или утратить ее: *Я в восхищении / в поиске*. Первое зафиксированное Национальным корпусом русского языка безобъектное **предикативное** употребление формы *в отношениях* относится к 2021 году (подкорпус «Социальные сети»), притом что изначально это слово, в частности в форме множественного числа, обладало (и обладает) широким спектром семантических и грамматических связей. Ср.: *в отношениях с родителями / между родителями / родителей* и *Я в отношениях*.

Лексическое значение: эволюция

Первоначально словоформа демонстрирует множественные и разнообразные смысловые и грамматические связи.

Первый зафиксированный пример: О достоинстве человека *в отношениях к богу и миру* (Н.И. Новиков, 1777). Далее – несколько примеров, иллюстрирующих диапазон связей слова – отглагольного существительного, двойственная, синкретичная природа которого позволяет реализовать правую валентность (способность управлять, т.е. активируется глагольная сема) и левую валентность (способность определяться согласуемым словом, т.е. активируется сема существительного): Лице единственное закон рассматривает *в отношениях, касающихся до его естественности или в отношениях гражданских* [А.Н. Радищев [Проект Гражданского уложения] (1801)]; *В отношениях своих с государем* он дорожил своею нравственною независимостью, так сказать боялся утратить и затронуть чистоту своей бескорыстной преданности и признательности [П.А. Вяземский. Старая записная книжка (1830–1870)]; ...Но оно же показывало мне и безмерную неравность *в отношениях между мною и благодетелем* моим [Н.А. Полевой. Живописец (1833)]; Во-вторых, он строг был *в отношениях родства и приязни* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни... / Части 1–2 (1788–1822)].

Толковые словари XX и XXI вв. свидетельствуют о лексико-семантическом развитии слова *отношение*, о приращении значений и обособлении формы множественного числа⁴. Проследим этапы эволюции по авторитетным лексикографическим источникам [22–24].

Словарь под редакцией Д.Н. Ушакова представляет слово как книжное, имеющее два значения, второе – наиболее интересное для нас, поскольку оказывается перспективным в плане грамматических изменений: «1. только ед. Действие по гл. *отнестись* в 1 знач. — *относиться*. *Невнимательное отношение к делу. Хорошее отношение к детям*. 2. **Связь, касательство, участие**. *Я имею некоторое отношение к этому предприятию*» [22, с. 953–954].

Из пяти значений, выделяемых словарем С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, нас интересует четвертое – логическое продолжение линии развития второго значения в предшествующем словаре: «**Связь между кем-н., возникающая при общении, контактах**. Отношения между людьми. *Дружеские отношения. Деловые отношения. Международные отношения*. *Дипломатические отношения*»⁵ [23, с. 488]. Значение представлено с уточнением числа (только мно-

жественное) и уточненной формулировкой, включившей мысль о взаимодействии. Сема выделяется в другом и более позднем словаре – под редакцией В.В. Морковкина: Связи между кем-чем-л., образующиеся **в процессе взаимодействия**, общения в какой-л. сфере деятельности, общественной или частной жизни' [24, с. 728]. Значение слова занимает вторую позицию из четырех, выделенных словарем.

Если говорить о статистике по годам, то Панхронический подкорпус НКРЯ отмечает постепенное приращение формы существительного *в отношениях* (в исходном самом широком значении 'связь') во второй половине XIX в. (1-5-15), и такая ситуация сохраняется вплоть до 90-х гг. XX в. Далее – значительное увеличение и рост популярности слова (точнее – словоформы *в отношениях*): 1996 – 32; 1997 – 47; 1999 – 80; 2000 – 35; 2001 – 108; 2002 – 171; 2003 – 205. Затем – заметное уменьшение: 2004 – 164; 2005 – 15; 2006 – 25. Максимально для этого периода (первые годы XXI в.) – 42 в 2010. От 18 до 37 вплоть до 2016 – 11, в 2017 – 15, далее – по 5, в 2020 – всего 1 из представленных в подкорпусе.

Контексты и круг коллокатов свидетельствуют, как и в предыдущие периоды, о широких смысловых связях словоформы и стабильном разнообразии грамматического оформления зависимых слов – беспредложные и предложные сочетания при вариантах самих падежей (Р., Тв., П.) и предлогов⁶:

Несмотря на то, что всё перечисленное выше подтверждено на бумаге и, стало быть, урегулировано, *в отношениях водителей и пешеходов* ещё много белых пятен [Андрей Брейтор. Мы и они (28.05.2013) // «Новгородские ведомости», 2013]; Наверное, рискованно было бы утверждать, что в Калуге вообще нет коррупции, но то, что ее абсолютно нет *в отношениях с инвесторами*, — факт, который упоминают все [Дмитрий Соколов-Митрич. Медленно и неправильно // «Русский репортер», 2013]; С другой стороны, немало ошибок *в отношениях с Союзом* было допущено и лично мною, так что и моя вина в общей неэффективности работы СРП имеется [Андрей Козырев. Ждать и надеяться // «Менестрель», 2014]; Однако из-за роста напряженности *в отношениях России и Европы* разработку газовых месторождений в Восточной Сибири пришлось форсировать [Александр Лабькин. Зачем нам нужна «Сила Сибири» // «Эксперт», 2014]; Ключевой вербатим, в этом смысле, принадлежит Олегу Кулику: именно в его спектакле ясно звучит проблема мертвого и живого — в культуре,

в отношениях между людьми [Валерия Пустовая. Прометей.doc // «Знание–сила», 2012].

Тем не менее в этот же период – 10-е гг. XXI в. отмечаются изменения в лексических связях словоформы: из 36 примеров 17 отражают конкретные отношения – между мужчиной и женщиной:

Впрочем, душа **поэта** была все же неискушенной. Особенно *в отношениях с женщинами*. Даже с матерью [В.М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)]; **Мужчинам** *в отношениях с такой дамой* очень трудно успеть что-то сделать, начать что-то делать или даже захотеть что-то делать [Форум: Гипер-женщина (2013)]; Известно, что «язык моды» в значительной степени фиксирует изменения *в отношениях полов* в конкретном обществе [Н.Б. Лебина. Мужчина и женщина. Тело, мода, культура. СССР – оттепель (2014)]; – Итак, на протяжении семи лет вы [Зулейха] состоите *в отношениях с мужчинами* [Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза (2015)]; В один из приездов **Мирки Макс** понял, что ничего *в отношениях с Алиной* не изменит [Н.Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015].

Отношения (мн. ч.) – в смысле: 'романтические отношения' – новая разновидность лексического значения, оформившаяся в последние два десятилетия, впервые зафиксирована словарем под редакцией В.В. Морковкина: «Интимное общение мужчины и женщины, основанное на любовном влечении, сожительстве. Син.: *Внебрачные отношения. Добрачные отношения. Поговаривают, что у них отношения и они скоро пожениятся*» [24, с. 728]⁷. Именно этот лексико-семантический вариант (2.2.1 по Словарю) актуализирован в современной коммуникации, ср. примеры из НКРЯ:

Несостоятелен и в дружбе, и **в отношениях** [Гузалия Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // «Бельские просторы», 2018]; И вот однажды он сказал мне такую фразу: «я знаю тебя очень хорошо, и я знаю, какая ты **в отношениях**, я хочу так же!» [Альбина Анисимова. Albina Anisimova (14.02.2021)]; **В отношениях** явно лучше, чем без них [Александр Гусев. Гусев (2021)]; Люди больше не хотят их покупать! Это как **в отношениях** — всё кончено. Эра фаст-фуда прошла... [shraddha om. «...а Любовь – как метод вернуться домой...» (2021)].

Сформировалось новое лексическое значение – очень конкретные 'отношения с человеком – сексуальным (реально или гипотетически) партнером' (= романтические отношения), а не вообще с близкими людьми.

Грамматическая трансформация: основные моменты

Лексическое значение складывается в условиях нового – безобъектного – употребления существительного *отношения*: **В отношениях** не могут быть равные доли [Спроси психолога // «Психология на каждый день», 2011]; Человек в контрзависимости страдает от одиночества. Хотя и защищен от болезненного переживания своей уязвимости **в отношениях** [Форум: Вопрос про себя (10.2012)]; Мой максимализм никогда меня не покидал – ни **в отношениях**, ни в оценках [Галина Волчек. «Верю во взаимность во всем, не только в любви» // «Огонек», 2013]; Интуиция **в отношениях** требует развития наших антенн, чтобы наблюдать и прислушиваться к потребностям другого. [Валентина Артемчук. Дневники Валентины – Ангела света (2021)].

Комментируя абсолютное употребление переходного глагола, К.Я. Сигал отмечает: «Этот сдвиг носит не только синтаксический характер, но и семантический, связан прежде всего не с сокращением валентностных потенций, а с другой смысловой актуализацией» [26, с. 378]. В случае с отглагольным существительным, утратившим валентность, происходит аналогичный семантический сдвиг. При предикативном употреблении эта мысль выкристаллизовывается и укрупняется:

Вот с 20-ти могут говорить. Особенно, если **ты в отношениях** [Чат для художников. telegram Чат для художников (06.05.2021)]; Особенно упражнение актуально, если **вы в отношениях** или активном поиске [Beauty.by.zushka. Бьютиблог, лайфстайл (2022)]; Так что если **ты сейчас не в отношениях**, это не повод не ухаживать за собой и своей кожей [Ксения Шугаринг. Ксения Шугаринг-Воронеж (2022)].

Состояние – вот та новая мысль, которая актуализируется благодаря «безобъектности» и предикативности. Акценты распределяются исключительно между субъектом и актуализированным предикатом, внимание привлечено к информации о состоянии и его носителе.

Дополним примеры из НКРЯ_Социальные сети подсказками из поисковой системы («Яндекс»), чтобы продемонстрировать активность нового варианта:

я в отношениях но влюбилась в другого;
я в отношениях но понравился другой (парень);
я в отношениях но люблю бывшего; *я в отношениях* но чувствую себя одиноко; *ты в отношениях* как ответить; *ты в отношениях* сейчас; *ты в отношениях* или нет.

Таким образом, 1) отсутствие возможности управлять («безобъектность»), 2) иметь согла-

суемые компоненты 3) в сочетании с предикативной функцией – всё это в совокупности маркирует новый грамматический статус словоформы имени существительного *в отношениях*. В результате рождается комбинированная, «сложносочиненная» семантика, сочетающая синкретичное глагольно-именное значение исходного слова, значение формы предложного падежа и усиленная предикативной функцией.

Можно выделить факторы, приводящие к изменению грамматического статуса словоформы *в отношениях*:

- утрата согласуемого компонента, что ослабляет грамматическое значение имени существительного;

- утрата зависимого управляемого компонента: отглагольное существительное лишается глагольной семы;

- употребление с глаголом-связкой, то есть замена возможной лексичной связки (*находиться, состоять*) отвлеченной связкой *быть*, и развитие предикативности, активирующей мысль о состоянии.

Употребление в новых синтаксических условиях (в новых связях и новой функции), во-первых, приводит к актуализации лексического значения ‘состоять в интимных, романтических связях / отношениях’, во-вторых – к изменению грамматического статуса и сближению с категорией состояния.

Интересен тот факт, что транспонированная словоформа со значением состояния одновременно *характеризует своего носителя* (актуализирует мысль о нем) и *лишается способности раскрыть мысль об объекте*: по-видимому, объект отношений говорящему не важен или говорящий считает информативно избыточным упоминание о нём.

Социокультурный фактор как причина семантического развития

Социологи отмечают атомизацию общества и индивидуализацию сознания современного человека под влиянием таких факторов, как действие массового (унифицирующего) сознания [27; 28]. Эти процессы оказываются многократно усилены интернет-коммуникацией. Например, модный психологический дискурс⁸ порождает и тиражирует прагматический подход к межличностным отношениям. Приводимый ниже текст представляет вариант метаосмысления такого понятия, как ‘любовь / близкие отношения’: [Вопрос корреспондента]: – Раньше все искали любовь, а теперь мы строим отношения. Когда и почему произошёл такой перелом? [Анна Агамирян, практикующий психолог]: – Вообще, слово «отношения» существует в общественном диа-

логе очень давно, но раньше оно чаще всего означало общественные или финансовые отношения. Со временем – ещё и семейные. При этом *любовь* считалась чем-то внеземным, не поддающимся логике остальных отношений. В нашем веке эта позиция изменилась: сегодня люди разделяют любовь как чувство и построение отношений как процесс, которым можно управлять. Теперь в общественном дискурсе есть просто отношения – семейные, рабочие, финансовые – и Отношения (именно с большой буквы): романтические отношения между партнёрами (<https://skillbox.ru/media/growth/relationship-status/?ysclid=lr6k26jkbr581714444>).

По мысли В.Г. Костомарова, дисплейная форма текстов находится «в родстве со звучащей разговорностью» [29, с. 65]. Социальные сети становятся той платформой, на которой обсуждаются личные, интимные проблемы в неформальной обстановке, даже если круг участников очень широк. Коммуникативные потребности говорящих в субъективизации мысли – вот мотивы, побуждающие искать новые средства оформления *детализированного* смысла состояния, отношения, оценки. Развивающаяся и активно пополняющаяся в результате метафоризации лексического значения имен и их дальнейшей грамматикализации категория – категория состояния становится актуальным объектом современного лингвистического исследования.

Предложно-падежная форма существительного обладает сложной и объемной семантикой и является адекватным и удобным (компактным) способом выражения актуальной мысли, связанной с обозначением состояния субъекта «в деталях» [7, с. 160]. Стимулом для развития категории состояния в настоящий момент становится факт актуализации позиции субъекта, что приводит к расширению фонда слов, обозначающих состояние или состояние-оценку.

Выводы

Основные выводы исследования можно сформулировать в виде следующих тезисов.

– Активизировалась сама модель с участием имени существительного, трансформировавшего свои категориальные признаки и сделавшего шаг в сторону категории состояния (транспонированная форма имени = экс-существительное): *Я в отношениях/в поиске* и т.д. Новое лексическое значение существительного *отношения* («интимная связь, романтические отношения») оказалось актуализировано в одной из его форм, способной к выполнению предикативной функции.

– Упоминание объекта отношений (по факту: второго субъекта) перестает быть нужным / важ-

ным, что сказывается на грамматической способности управлять. В случае с отглагольными существительными в предикативной позиции необходимо отметить их семантические связи с глаголами состояний Ср. современное и актуальное безобъектное употребление непереходного глагола *расстаться* – его абсолютное употребление, в котором актуализируется семантика состояния: *Я расстался* (ср. исходный вариант: *Я расстался с девушкой*).

– *Я в отношениях* (вероятно, под влиянием английского *I'm in a relationship*) – это результат переосмысления понятия «любовь» как результата и факта *взаимоотношений* и новое осмысление под углом зрения – *Я* (= субъект): определенная замкнутость современного человека на себе и собственных интересах, переживаниях, текущем состоянии. Новые синтаксические связи словоформы *в отношениях* (предикативное безобъектное употребление) акцентируют внимание на субъекте мысли/речи и нивелируют роль объекта, которым в реальной жизни (не синтаксической) является другой субъект – равноправный участник отношений. Объект (реальный и грамматический) в данном случае оказывается коммуникативно/информативно нерелевантным.

– Категориальная принадлежность экс-словоформы *в отношениях* в предикативном и «безобъектном» употреблении: периферия имени существительного (А), пересекающаяся с периферией категории состояния (Б), то есть зона синкретизма (АБ) на шкале переходности профессора В.В. Бабайцевой [3]. Отмечаем незавершенность перехода и промежуточный частеречный статус подобных экс-словоформ. Индивидуально каждая из аналогичных предикативных единиц занимает свою позицию на шкале переходности.

Заключение

В.В. Виноградов рассматривал изменения в системах форм в качестве показателя изменений семантических: «Вопрос о системах форм и их исторических изменениях – центральная проблема исторической грамматики и исторической семантики. Изучение исторических передвижений и смещений в системах форм слов может привести к открытию новых закономерностей эволюции семантического строя языка» [5, с. 50].

Микродиахрония [30] не может свидетельствовать о категоричной и безвозвратной перемене в мировосприятии носителей языка. Вместе с тем, во-первых, можем фиксировать тенденцию – изменение представлений о любви как *бескорыстном чувстве, направленном на объект*

(Бог, родина, семья, другой человек и т.д.). Вторых, оборот активен в речи – в первую очередь молодежной, формирующей тенденции, которые, возможно, окажутся устойчивыми, стабильно развивающимися, сохранятся надолго и повлияют на язык. Новые факты языка, отражающие специфику современного сознания как «непереходного», отражают и факт семантического движения в языке, в котором значения состояния и оценки занимают важное место.

Примечания

1. См. исследования В.В. Бабайцевой, С.Н. Виноградова, В.В. Шигурова и др., посвященные категории состояния, или *безлично-предикативным* словам. Более того, процессом предикативации В.В. Шигуров называет не переход в категорию состояния (предикатив), а особое свойство форм отдельных существительных употребляться в позиции предиката односоставного безличного предложения [2, с. 216–217].

2. В.М. Панфилов предикативное употребление предложно-именных образований и предложно-наречных сочетаний связывает с текстами XVII в., т.е. с периодом старорусского языка [6, с. 13]. Начиная с середины XVIII века формы отдельных слов, имеющих значение 'эмоциональное состояние человека', входят в активное употребление: [Советница]: *Ах, я в восхищении! Я вне себя от радости!* (Д. Фонвизин); *Державин был в восхищении* (А.С. Пушкин). Особая активность транспонированных форм существительных приходится на последнее десятилетие.

3. О коэффициенте падежного значения по сравнению с прямым падежом пишет Р. Якобсон, вскрывая психологические/когнитивные нюансы как основу различий: «Я говорю или пишу *луна* и подразумеваю под этим только один-единственный предмет; но если я говорю или пишу о луне, то слушатель (или читатель) заранее уведомляется о том, что имеются в виду два различных предмета, а именно луна и сообщение на эту тему, причем в первую очередь внимание уделено непосредственно сообщению и лишь косвенно, в качестве побочной темы высказывания, выступает *луна*. То же самое происходит, когда мы слышим или читаем: *на луне* [местн.]: здесь имеются в виду два предмета – *луна* и нечто, находящееся или происходящее на ней, причем последнее образует ядро высказывания, тогда как *луна* сама по себе занимает периферийное место в содержании высказывания» [8, с. 162].

4. Словари XIX в. фиксируют тесную связь отглагольного слова *отношение* (*отношенье*) с производящим глаголом *относить* для обозначения физического действия, имеющего пространственный характер; математическое (абстрактное) отношение отмечается как особое книжное значение [21, с. 351].

5. Толковый словарь русского языка конца XX в. фиксирует как новые, но ставшие устойчивыми в 90-е гг. следующие сочетания: *векторные/корреспондентские/неуставные/рыночные отношения*

[25, с. 444]. НКРЯ дает представление о расширившихся связях формы, отражающих новые варианты личных и общественных отношений.

6. В подкорпусе «Социальные сети» зафиксирована форма В.п. с предлогом *через*: Резиновые женщины, *отношения через интернет*, а теперь это. [vk (19.11.2015)].

7. Любопытно приведенное в качестве примера словосочетание, номинирующее новый факт действительности: *специалист по семейным отношениям* [24].

8. Л.Р. Ахмерова выделяет как самостоятельный *обиходный психологический дискурс* (наряду с психотерапевтическим и научным психологическим), имеющий дело «с состояниями человека "здесь и сейчас"; у коммуникантов, которыми являются обычные носители языка, почти не остается времени для рефлексии и, тем более, саморефлексии, и сложные отношения между миром переживаний и миром слов проявляются наиболее полно» [31, с. 21].

Список литературы

1. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-4d.htm?ysclid=m03u44w2p1467649048> (дата обращения: 15.10.2024).
2. Шигуров В.В. О предикативации и модалации как особых типах транспозиции в системе частей речи русского языка // Альманах современной науки и образования. № 8 (15): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: В 2 ч. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2008. С. 216–218.
3. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 638 с.
4. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // В кн.: Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. М., 2009. С. 25–36.
5. Виноградов В.В. О формах слова // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 33–50.
6. Панфилов В.М. К истории развития категории состояния, или предикативов, в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 1961. 22 с.
7. Милованова М.С. Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.). М.: Рос. акад. наук, ИЯ: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М., 2022. С. 148–194.
8. Якобсон Р. К общему учению о падеже // Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.
9. Милованова М.С., Хуан Яньюй. Транспозиция форм имени существительного: семантика и функционирование актуальных единиц (шкала переходности «имя существительное – категория состояния») // Русский язык за рубежом. 2022. № 2. С. 48–57.
10. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: МГОУ, 2012. 290 с.
11. Герасименко Н.А. Неглагольная предикация в двусоставном предложении художественного текста // Номинация и предикация в современном рус-

ском языке: Коллективная монография. М.: ГУП, 2024. С. 136–146.

12. Сирота Е.В. Структурно-семантическая и функциональная характеристика категории состояния: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 160 с.

13. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 337 с.

14. Пряников А.В. Семантика сказуемого, выраженного предложно-падежными сочетаниями имени существительного, в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 167 с.

15. Калинин А.А. Семантика и предикативное функционирование предложно-падежных форм существительных в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2003. 243 с.

16. Берестова О.Г. Бисубстантивные предложения со значением состояния лица в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 17 с.

17. Милованова М.С. Язык и мир: развитие лексического фонда категории состояния // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4–10.

18. Сарайкин И.В. Тенденции употребления предложно-падежных сочетаний, обозначающих состояние субъекта (на примере сочетания на нервах) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: Сборник научных трудов. М., 2020. С. 163–167.

19. Хуан Яньюй. Семантика и функционирование предикативных предложно-падежных форм существительного в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 23 с.

20. Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3230> (дата обращения: 15.09.2024).

21. Деря Е.Д. Закрепление за словоформой «отношения» романтической коннотации // Язык и культура: взгляд молодых. Материалы Междуна-

родной научно-практической конференции «XXV Кирилло-Мефодиевские чтения» (23 мая 2024 г.): Сб. ст. / Гл. ред. В.И. Карасик. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 348–354.

22. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 тт. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1938. Т. 2.

23. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993.

24. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

25. Толковый словарь XX – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Склиаревской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

26. Сигал К.Я. Теория словосочетания и речевая деятельность / Российская академия наук, Институт языкознания. М. – Ярославль: Канцлер, 2020. 418 с.

27. Грушин Б.А. Массовое сознание. Опыт определения и направления исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.

28. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. №12. С. 3–11.

29. Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении. М.: Флинта, 2014. 96 с.

30. Милованова М.С. К определению понятия любовь: микродиахронный срез // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (28–30 мая 2020 г.). Калининград: Издательство «РА Полиграфычъ», 2020. С. 122–129.

31. Ахмерова Л.Р. Психологический дискурс и его разновидности в современном русском языке // V Бодуэновские чтения: труды и материалы. Т. 2 / Под общ. ред. Г.А. Николаева и др. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 21–23.

THE LEXICAL AND GRAMMATICAL POTENTIAL OF THE NOUN IN THE DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF STATE

M.S. Milovanova

The article examines the process of transition of a noun into a class of the category of state based on the material of the form of a verbal noun in a relationship. The purpose of the study is to analyze the stages of lexical and semantic grammatical changes. Such linguistic facts are located in the syncretism zone (AB) on the V.V. Babaytseva transitivity scale: the periphery of the noun (A), intersecting with the periphery of the condition category (B). The process of grammatical transformation of adverbatives is one stage greater than that of typical (specific) nouns. As the leading research method, the method of structural and semantic analysis by V.V. Babaytseva is used, which involves the study of the conditions, causes and results of grammatical transformation. Microdiachronic analysis allows us to trace the development of a linguistic fact from the moment of its appearance to the current state (tendency to development or extinction: according to the NCRE) – within an insignificant period: 25-15-10-5 years.

Keywords: thought about state, category of state, predicative-case forms of nouns, verbal nouns, personal construction, grammatical transformation, microdiachrony, “intransitivity”.

References

1. Shcherba L.V. On parts of speech in the Russian language [Electronic resource]. Access mode: <http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-4d.htm?ysclid=m03u44w2p1467649048> (Date of access: 15.10.2024).
2. Shigurov V.V. On predication and modalization as special types of transposition in the system of parts of speech of the Russian language // *Almanac of Modern Science and Education*. № 8 (15): Linguistics and literature in synchrony and diachrony and methods of teaching language and literature: In 2 p., part 2. Tambov: Gramota, 2008. P. 216–218.
3. Babaytseva V.V. Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language. M.: Bustard, 2000. 638 p.
4. Pospelov N.S. In defense of the status category // In: Pospelov N.S. Thoughts on Russian Grammar. Selected works. M., 2009. P. 25–36.
5. Vinogradov V.V. On word forms // *Selected works. Russian Russian Grammar Studies*. M., 1975. P. 33–50.
6. Panfilov V.M. On the history of the development of the category of states, or predicatives, in the Russian language: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. sciences. Krasnoyarsk, 1961. 22 p.
7. Milovanova M.S. Axiological aspects of the semantics of the state // *General and Russian linguoacology: A collective monograph* / M.S. Milovanova (ed.). M.: Russian Academy of Sciences, IYA: Gos. A.S. Pushkin IRA. Moscow, 2022. P. 148–194.
8. Jakobson R. Towards the general doctrine of the case // *Selected works*. M.: Progress, 1985. P. 133–175.
9. Milovanova M.S., Huang Yanyu. Transposition of noun forms: semantics and functioning of actual units (the scale of transitivity «noun – category of state») // *Russian language abroad*. 2022. № 2. P. 48–57.
10. Gerasimenko N.A. Bisubstantiative propositions in the Russian language: structure, semantics, functioning. M.: MGOU, 2012. 290 p.
11. Gerasimenko N.A. Non-verbal predication in a two-part sentence of an artistic text // *Nomination and predication in the modern Russian language: A collective monograph*. Moscow: GUP, 2024. P. 136–146.
12. Sirota E.V. Structural, semantic and functional characteristics of the category of condition: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences, M., 1990. 160 p.
13. Matkhanova I.P. Utterances with the semantics of the state in modern Russian: Dissertation of the Doctor of Philology, St. Petersburg, 2001. 337 p.
14. Pryanikov A.V. Semantics of the predicate expressed by prepositional-case combinations of the noun in modern Russian: Dis. ... Candidate of Philological Sciences, Moscow, 2000. 167 p.
15. Kalinin A.A. Semantics and predicative functioning of prepositional and case forms of nouns in modern Russian: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Kirov, 2003. 243 p.
16. Berestova O.G. Bisubstantiative sentences with the meaning of the state of the face in modern Russian: Dissertation of the Candidate of Philology, M., 2003. 17 p.
17. Milovanova M.S. Language and the world: the development of the lexical fund of the category of status // *Russian language abroad*. 2018. № 3. P. 4–10.
18. Saraykin I.V. Trends in the use of prepositional-case combinations denoting the state of the subject (using the example of a combination in words) // *Modern Russian axiosphere: semantics and pragmatics of identity: Collection of scientific papers*. M., 2020. P. 163–167.
19. Huang Yanyu. Semantics and functioning of predicative prepositional-case forms of a noun in modern Russian: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences, M., 2022. 23 p.
20. Epstein M. About the creative potential of the Russian language. Grammar of transitivity and transitive society // *Banner*. 2007. № 3 [Electronic resource]. Access mode: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3230> (Date of access: 15.09.2024).
21. Derya E.D. Securing the romantic connotation for the word form «relation» // *Language and culture: the view of the young. Materials of the International scientific and practical conference «XXV Cyril and Methodius Readings»* (May 23, 2024): Collection of articles / Chief editor V.I. Karasik. M.: Pushkin Institute of the Russian Language, 2024. P. 348–354.
22. Explanatory dictionary of the Russian language / Edited by D.N. Ushakov. In 4 volumes. M.: State Publishing House foreign and national dictionaries, 1938. Vol. 2.
23. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Az, 1993.
24. The large universal dictionary of the Russian language / Ed. by V.V. Morkovkin. M.: Dictionaries of the XXI century; AST-PRESS SCHOOL, 2016. 1456 p.
25. Explanatory dictionary of the XX century – Explanatory dictionary of the Russian language of the end of the twentieth century. Language changes / Ed. by G.N. Sklyarevskaya. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. St. Petersburg: Folio Press, 1998.
26. Sigal K.Ya. Theory of word combinations and speech activity / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow – Yaroslavl: Chancellor, 2020. 418 p.
27. Grushin B.A. Mass consciousness. The experience of defining and directing research. M.: Politizdat, 1987. 368 p.
28. Gorshkov M.K. "The Russian Dream": the experience of a sociological dimension // *Sociological research*. 2012. № 12. P. 3–11.
29. Kostomarov V.G. Reasoning about the forms of text in communication. M.: Flinta, 2014. 96 p.
30. Milovanova M.S. Towards the definition of the concept of love: a microdiachronic slice // *Humanitarian technologies in the modern world: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference* (May 28–30 2020). Kaliningrad: Publishing House «RA Polygraphych», 2020. P. 122–129.
31. Akhmerova L.R. Psychological discourse and its varieties in modern Russian // *V Baudouin readings: works and materials*. Vol. 2 / Under the general editorship of G.A. Nikolaev et al. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2015. P. 21–23.